

ЛЕНИНГРАД–КАЗАНЬ

*По материалам Государственного архива Республики Татарстан,
газет «Аргументы и факты в Татарстане», «Республика Татарстан»,
журнала «Казань», интернет-газеты «Реальное время»,
музея школы №101 в Дербышках,
музея Казанского вертолётного завода,
музея КОМЗа,
порталов kzn.ru, erazvitie.org, sntat.ru.*

подготовлен АО «Газпром межрегионгаз Казань» при содействии ООО «Газпром межрегионгаз».

В годы Великой Отечественной войны столица ТАССР стала вторым домом для тысяч ленинградцев.

Уже летом 1941 года в расположенную в тылу Казань стали прибывать эшелоны с эвакуированными ленинградцами.

Всего их прибыло несколько тысяч. В кратчайшие сроки здесь заработали перевезённые из северной столицы промышленные предприятия, сотрудники которых день и ночь без остановки работали под объединяющим всех жителей страны лозунгом «Всё для фронта, всё для Победы!». Развернули научную и педагогическую деятельность научно-исследовательские институты и учебные заведения, сели за парты и продолжили учёбу приехавшие в Казань маленькие ученики.

Прошедшие десятилетия не стёрли память о фронтовом и трудовом подвиге нашего народа. В Казани бережно хранятся и передаются потомкам свидетельства эпохи испытаний и преодоления, общего дела и общей Победы. Работает музей в посёлке Дербышки (именно там жили и работали многие эвакуированные ленинградцы), сохраняются воспоминания очевидцев. И пока мы живы, мы тоже будем помнить...

Под грифом «Секретно»

Перед началом блокады Ленинграда (официальной датой считается сентябрь 1941 года) в городе было 333 предприятия, на которых работали 565 тысяч человек. 133 из этих производств были эвакуированы, в том числе и в Татарию. На территории Казанского оптико-механического завода разместили оборудование оптико-механического завода №349. Тогда же в Казань приехал Ленинградский авиационный завод №387 — сегодня это Казанский вертолётный завод.

Из Госархива РТ

«Судостроительный завод №300 «Ленинская кузница» влился в завод №340 Зеленодольска, там уже работают 433 эвакуированных рабочих», — сказано в сводке о работе предприятий оборонной промышленности за 1941 г. партархива Татарского обкома ВКП (б). — На относящемся к Наркомату боеприпасов заводу № 4 имени Калинина, разместившемся на территории казанского мехкомбината и завода «Пишмаш», трудилось 6287 рабочих.

«Сколько именно заводов прибыли в Казань из Ленинграда, и что именно производили отдельные предприятия, до сих пор неизвестно», — говорит главный архивист отдела выставочной, публикаторской деятельности Госкомитета РТ по архивному делу Роман ОБРУСНЫЙ. — К таким, по сей день секретным, относится, например, завод под литерой «Б», находившийся на территории нынешнего Казанского завода синтетического каучука (СК-4). Вернувшись в Ленинград, эти предприятия увезли и свои архивы».

Однако часть материалов всё же осталась в Казани. Так, в Госархиве РТ нашли данные о том, какие работы вёл в Казани Ленинградский завод № 379 (ныне Казанский электротехнический завод в Дербышках). Во время войны этот завод относился к Народному комиссариату авиационной промышленности. В 1942 году в Казани на этом заводе продолжали начатый в СССР в 1930-е годы проект по созданию телемеханических, то есть управляемых на расстоянии самолётов. Эти аппараты

должны были использоваться как самолёты-снаряды, были прообразом современных беспилотников.

Телемеханический самолет

«Телемеханические самолёты ТБ-3 прошли государственные испытания, — говорится в «Справке о состоянии и работе завода №379 от 1 апреля 1942 года», адресованной секретарю обкома ВКП (б) товарищу Кольванову. — В настоящий момент завод совместно с ВВС Красной армии проводит их боевое применение».

Есть в Госархиве РТ и данные о том, что завод прекратил разработку телемеханических самолётов, так как предприятие перешло в ведение Народного комиссариата судостроительной промышленности. Хотя директор завода в своём письме руководству предупреждал о том, что после перепрофилирования будут распылены высококвалифицированные кадры (у завода сильное конструкторское бюро, лётно-испытательская группа, механики-специалисты по авиационной автоматике).

Эвакуированным заводам не хватало квалифицированных рабочих, многие из которых добровольцами ушли на фронт. Каким образом решали кадровый вопрос? Директор завода №4 им Калинина (позже завод Точмаш) в обращении к руководству одной из военных частей просит демобилизовать рабочего цеха №3 ленинградца Георгия Борисовича Гинтера. Гинтер ушёл на фронт добровольцем, а сейчас находится в Казани в госпитале на ул. Ершова. Директор просит не отправлять его после выписки на фронт, а вернуть в цех. «По причине неполной эвакуации цех оказался с двумя наладчиками при потребности в 25 человек», — сказано в письме.

Казань — ковчег советской промышленности

В самые тяжелые первые месяцы войны, с июля по декабрь 1941 года, было эвакуировано из угрожаемых районов 2 593 предприятия, которые обычно размещались на площадках строящихся производств либо на близких по профилю предприятиях. В некоторых случаях оборудование размещалось и вводилось в строй

под открытым небом, после чего вокруг него возводились стены цехов. На новых местах в среднем через 1,5-2 месяца предприятия начинали давать продукцию.

Казанский вертолетный завод

До эвакуации: Казанский завод обозных деталей был основан в 1930 году и производил изделия гужевого транспорта и авиалыжи.

Авиационная история казанского завода исчисляется с 1940 года, когда обозный завод №169 передали в систему авиационной промышленности СССР. В этом же году в Наркомат авиационной промышленности СССР был передан Ленинградский завод №387, созданный на базе двух заводов – им.Каракозова и Лентекстильмаш для выпуска учебных самолетов У-2.

После эвакуации: В июле-августе 1941 года ленинградское предприятие эвакуировали в Казань и объединили с местным обозным заводом.

В столицу ТАССР из Ленинграда прибыло 7 эшелонов с рабочими, последний, восьмой, состав с женами и детьми руководителей ленинградского завода доехать не успел – попал под обстрел.

На заводе работали порядка 5 тыс. человек, в основном женщины, старики и дети. Из-за военного положения покинуть территорию предприятия было нельзя, работали у станков по 18 часов в день, здесь же спали на телогрейках, ели.

Заводчанам предстояло сделать невозможное – за короткое время не только увеличить производство, но и научиться выпускать совершенно новую для них технику. Через 2 недели на заводе были изготовлены первые деревянные самолеты У-2 – их использовали для разведки и в качестве средства связи, а впоследствии вывозили раненых с передовой, прикрепив к крыльям специальные капсулы.

Из-за небольших размеров и деревянных крыльев немцы не воспринимали У-2 всерьез, называя его «русская фанерка» и «кофейная мельница». Но позже хрупкие бипланы стали наводить суеверный ужас на врагов.

В октябре 1941 года на заводе началось переоборудование самолета в легкомоторный бомбардировщик У-2ВС. После смерти главного конструктора Н.Н. Поликарпова в 1944 году самолет стали называть По-2, а военную версию – По-2ВС. Изменились летные и технические характеристики, что позволило поднимать в воздух дополнительно более 300 килограммов бомб.

За годы войны пилоты выполнили 1 миллион 270 тыс. боевых вылетов, из которых 660 тыс. совершались на самолетах По-2. Так, каждый второй боевой вылет осуществлялся на биплане По-2, изготовленном в Казани.

На казанском заводе был собран каждый десятый самолет, выпущенный авиационной промышленностью СССР за годы Великой Отечественной войны.

Казанский электротехнический завод

До эвакуации: Экспериментальный завод по авиаприборам (опытный завод № 379) был создан в Ленинграде в 1937 году. На заводе проводились работы по системам автоматического управления самолетами по радио. Были созданы опытные образцы, выпускались мелкие партии авиационных телемеханических систем, автопилотов.

После эвакуации: Часть Ленинградского завода № 379 Наркомата авиационной промышленности СССР с опытно-конструкторским бюро завода (впоследствии Казанский электротехнический завод) в объеме примерно 25% от общего количества была переведена 11 августа 1941 г. в Казань и разместилась на территории бывшего ликеро-водочного завода. Новому заводу были поставлены задачи производства летных испытаний опытных работ по авиационной автоматике, проводимых ОКБ завода, и освоения производства приборов управления огнем зенитной артиллерии СП ПУАЗО-3. Помимо массового выпуска артиллерийской продукции, завод за годы

войны успешно осваивает продукцию для Военно-морского флота — приборы управления торпедной стрельбой для эсминцев, катеров и подводных лодок, прибор автоматической стабилизации подводных лодок на глубине «Спрут», прицелы для подводных лодок и катеров и т. д.

Казанское моторостроительное производственное объединение

До эвакуации: Авиационный комбинат «Казмаш» был основан в 1931 году и до 1937 года занимался в основном ремонтом моторов, причем в очень малом объеме. 21 марта 1937 года поступил приказ Наркомата авиационной промышленности, согласно которому заводу предписывалось организовать производство авиационного центробежного нагнетателя АЦН-2 и авиационного нагнетателя АН-2. В октябре 1941 года был испытан авиамотор, собранный полностью из деталей собственного производства.

После эвакуации:

В ноябре 1941 года на территорию авиакомбината произошла эвакуация Воронежского завода № 16. За годы Великой Отечественной войны объединенным заводом было выпущено около 16 000 авиационных моторов. То есть каждые 50 минут с конвейера сходил готовый двигатель. С 1941 по 1945 годы на заводе работало поточное производство моторов ВК-105, а в ноябре 1942 года заводчане приступили к освоению нового форсированного мотора В. Я. Климова М105ПФ мощностью 1 200 лошадиных сил. В 1943 году в опытно-конструкторском бюро, возглавляемом В. П. Глушко, был создан первый отечественный жидкостный реактивный двигатель РД-1. Серийный самолет Пе-2 с реактивной установкой РУ-1 был передан для испытаний в августе 1943 г. С 1942 по 1946 годы заместителем главного конструктора двигателей по летным испытаниям здесь работал С. П. Королев.

Казанский оптико-механический завод в суровую годину

Рожденный в тревожные предвоенные годы, Казанский оптико-механический завод был создан как дублер одного из первенцев оптико-механической промышленности в

нашей стране – Ленинградского ГОМЗа. Постановление о строительстве оптико-механического завода было принято 11 октября 1936 года Советом Труда и Оборона.

К началу Великой Отечественной войны было заложено и находились в различной стадии строительства 9 производственных корпусов. В жилом поселке Дербышки было 18 барачных, 12 двухэтажных домов и проживало 2800 человек. В первом полугодии 1941 года постепенно разворачивается производственная деятельность завода. Но начавшаяся война изменила весь ход событий. С 25 июля по 31 августа в Казань прибыли 7 эшелонов из Ленинграда с людьми, с оборудованием, деталями незавершенного производства Ленинградского оптико-механического завода. Они составляли примерно 40% станочного парка ГОМЗа и 20% его рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

В июле 1941 года вышло решение Наркомата Вооружения о слиянии эвакуированного Ленинградского завода с Казанским заводом и о назначении директором этого завода Соловьева Андрея Федоровича. Он был воспитанником ГОМЗа, где прошел высокую школу рабочего, стал квалифицированным оптиком-механиком, был мастером на сборке, начальником опытного цеха, техническим директором и директором завода. Человек обаятельный, больших деловых качеств он был душой коллектива. И именно в Дербышках раскрылся полностью его талант организатора, человека необычайной работоспособности.

Боевые задачи

Главными задачами во второй половине 1941 года были: быстрый монтаж и ввод в действие прибывшего и имевшегося оборудования, организация цехов и необходимых служб завода с целью немедленного развертывания производства оптических приборов, необходимых фронту, а корпуса завода были не достроены. На строительные работы было направлено максимальное количество людей, включая ИТР и квалифицированных рабочих. Строили быстро, самоотверженно, понимая ту ответственность, которую возлагала война на коллектив завода. За 2-3 дня создавались

чертежи, а через 3-5 дней возводился объект. Параллельно с развитием производственной деятельности решалась задача не менее сложная: необходимо было расселить прибывших ленинградцев и эвакуированных из других областей и обеспечить им хотя бы минимальные условия жизни. Норма жилой площади была уплотнена 2,5 -3 кв.м. на человека. Было произведено до предела уплотнение поселка. В большинстве комнат было поселено по 2-3 семьи. Были плотно заселены бараки «спецпоселка». Работники отделочного цеха сшили из брезента большие палатки и натянули их в том же «спецпоселке». В палатках установили нары, печки-«буржуйки» и поселили в каждой по несколько семей. Некоторые отрывали себе землянки в лесу, завод помогал в их оборудовании древесиной и «буржуйками». В кратчайшие сроки разместили всех прибывших, но очень многие были поселены временно до наступления холодов. Уже в августе 1941 года были срочно разработаны чертежи временных барачков простейшего типа. Под руководством одного квалифицированного плотника такой барачок собирали за 4-5 дней. В барачках было центральное отопление и электричество, а за большую вместимость в народе их прозвали «чемоданы». К началу 1942 года был построен 21 ангарный барачок и, наконец, из палаток, летних помещений все заводчане были переселены в более приспособленные для жилья помещения.

Восьмой эшелон

В первых числах марта 1942 года на площадку КОМЗа неожиданно прибыл еще один восьмой эшелон, эвакуированных из блокадного Ленинграда, в котором было около 300 рабочих ГОМЗа. Эшелон добирался до Казани 19 дней. Каждое утро из вагонов эшелона выносили умерших от истощения, болезней и слабости и хоронили их около путей в братских могилах. Большая часть эвакуированных была в таком тяжелом положении, что многие не могли уже выходить из вагонов, страдали голодным поносом, а некоторые находились на грани помешательства.

По прибытии в Казань этот восьмой эшелон был сразу же подан на заводскую площадку. К приему многих людей, а тем более в таком тяжелом состоянии, завод не

был подготовлен. Вырвавшиеся из кольца блокады ленинградцы были одеты в 2-3 костюма, в 2 пальто. Месяцами не бывали ни в бане, ни в парикмахерской. Всех надо было пропустить через карантин, поставить под усиленный медицинский надзор. Для этих целей был использован один этаж заводского корпуса №6 еще не сданного в эксплуатацию. Здесь и разместили стационар – филиал поселковой больницы прямо на заводе. Прибытие 8-го эшелона было последним, трагическим этапом эвакуации ГОМЗа, во время которого из жизни ушло много передовых людей завода.

Все для фронта, все для Победы!

Ко всем невзгодам человек быстро привыкает, а моральный подъем был настолько велик, что трудные условия жизни отступали на задний план. Все жили мыслью как можно быстрее пустить производство и дать фронту необходимые приборы. Уже через два месяца после прибытия первого эшелона ленинградцев завод дал первую продукцию фронту – первым среди эвакуированных заводов отрасли.

В октябре сдали партию биноклей Б-6 – 5000 штук. Они были собраны из деталей незавершенного производства, привезенных из Ленинграда. Ленинградцы стали ядром коллектива. Они привезли с собой славные традиции питерских рабочих, высокое профессиональное мастерство. В ноябре и декабре стали выпускать минометные и танковые прицелы, а сначала 1942 года – артиллерийский прицел «Панорама Герца». В начале 1942 года была, в основном, освоена промышленная площадка, которая без существенных изменений просуществовала до 1948 – 1950 гг. За короткое время в тылу стал работать крупный оптико-механический завод.

На 1 января 1942 года завод имел следующие данные:

- металлорежущего оборудования – 1173 ед.
- станки для обработки оптики – 281 ед.
- кузнечно-прессовое и деревообрабатывающее оборудование – 120 ед.
- автомобили – 47 штук.

Численность персонала составляла 3211 человек. Принятых по трудовой мобилизации местных кадров – 1164 человека, в том числе 673 ученика – подростка. В 1941 году на фронт ушли 615 человек. Завод испытывал недостаток в рабочей силе. На завод пришли работать подростки и женщины, которых надо было срочно обучить специальностям, дать минимум технических знаний, привить производственную дисциплину. Были созданы школа ФЗО и ремесленное училище, но в основном обучались прямо у станка у квалифицированных рабочих и мастеров. В числе других подростков пришел на завод в те грозные годы и Ваня Чередилин. Хотя и мал был росточком, быстро освоил токарное дело. Не доставал до станка – подставил под ноги ящик, даже два! Ваня Чередилин стал символом всех подростков, трудившихся в годы войны. Впоследствии из подростков военных лет выросло поколение высококвалифицированных рабочих. И среди них: Герой Социалистического Труда Гузаиров КамильСабинович, кавалеры высоких правительственных наград А.М. Гайнуллин, А.И. Заболонков, Л.Т. Сурова и многие другие, ставшие «золотым фондом» нашего предприятия.

Преодолевая трудности

Несмотря на все трудности, завод рос и набирал производственные темпы. Этому способствовало социалистическое соревнование, которое проходило под девизом: «Все для фронта, все для Победы!» Работать по-фронтовому, выполняя ежедневно 2-3 нормы: одну за себя, а остальные за тех, кто ушел на фронт. Среди четырехсотников на заводе был известен фрезеровщик Корольков Семен Иванович, который буквально не отходил от станка, пока были силы. За труд в годы войны Корольков был награжден орденом Ленина.

Велика была в период войны роль комсомольско-молодежных фронтовых бригад, которые трудились под девизом: «В труде, как в бою». К концу войны их было на заводе 79.

10 февраля 1943 года коллектив завода собрал из своих личных сбережений и передал 1004000 рублей на приобретение артвооружения «Сталинская артиллерия».

Фронтвики-добровольцы

Несмотря на то, что завод имел огромное оборонное значение, и рабочие имели бронь, за годы войны на фронт ушли более двух тысяч заводчан. С завода на фронт убежал Кузнецов Борис Кириллович, стал Героем Советского Союза. После войны он на завод не вернулся, но с заводчанами встречался неоднократно, рассказывал о своем боевом пути.

Герой Советского Союза Липатов Николай Дмитриевич работал на заводе в цехе №10, награжден посмертно, повторил подвиг Александра Матросова. После войны многие годы проработал на нашем заводе Герой Советского Союза Полушкин Петр Алексеевич. В годы войны он был наводчиком противотанкового орудия и в одном из боев уничтожил 5 танков, бронемашину и много живой силы противника, получил ранение и контузию.

В годы Великой Отечественной войны завод выпускал:

— для военно-морского флота — оптические дальномеры и перископы для надводных и подводных кораблей различных классов, визиры и нактоузы (компасы)

— для сухопутных войск — снайперские прицельные трубки, бинокли, лупы, фотообъективы, пулеметные и артиллерийские прицелы, в том числе для минометов «Катюша», танковые прицелы, смотровые приборы командира и водителя танка.

— для военно-воздушных сил — прицелы для бомбометания и стрелково-пушечного вооружения самолетов, фотоконтрольные приборы и дешифраторы.

За годы войны завод дал фронту 700000 биноклей, 30000 орудийных, минометных и танковых прицелов, 1000 бомбардировочных прицелов и множество других изделий. Указом Президиум Верховного Совета СССР от 16 сентября 1945 года завод был награжден орденом Ленина «За выдающиеся успехи в деле бесперебойного обеспечения полевой артиллерии, Военно-Морского Флота и авиации оптическими приборами». В 1946 году заводу было передано на вечное хранение Красное Знамя ЦК ВКП(б) и ГКО, которое за годы войны коллектив завоевывал 17 раз.

Ученые Ленинградского университета: Казань-Елабуга

К июню 1941 г на десяти факультетах ЛГУ обучалось 8 тысяч студентов, работало 20 академиков, 167 профессоров, 385 доцентов и 377 ассистентов. В июне 1941 г. в разгаре была экзаменационная сессия, на выпускных курсах 910 выпускников готовились сдать государственные экзамены.

С началом войны в целях сохранения высокой научно-исследовательской активности ученых ЛГУ советское правительство принимает решение о переводе университетских лабораторий в тыл. 19 июля эшелон с оборудованием и учеными отправился из Ленинграда в Казань, а затем в Елабугу. Переезд занял целый месяц. Добравшись до Елабуги, ленинградцы увидели старинное (1903 г. постройки) четырехэтажное здание Учительского института, в котором и предстояло разместить лаборатории Елабужского филиала ЛГУ. До революции в этом здании располагалось Стахеевское епархиальное женское училище...

Сразу начались работы по установке лабораторного оборудования. «Для развертывания работы филиала необходимо было разместить лаборатории, снабдить их электричеством, обеспечить хранение ценностей и редких книг, добыть топливо, наладить работу столовой, разместить по квартирам сотрудников филиала и т. п., и все сделать своим руками».

Талантливые экспериментаторы

19 сентября 1941 г. лабораторное оборудование было установлено и готово к экспериментам. В Елабуге ленинградские ученые организовали работы нескольких исследовательских групп: математико-механической (руководитель В.И. Смирнов), физической (руководитель Е.Ф. Гросс, затем В.М. Чулановский), химической (руководитель В.М. Вдовенко), биологической (руководитель М.И. Виноградов). Основной целью филиала было проведение научных исследований по темам, имевшим актуальное оборонное значение. Теория полета артиллерийских снарядов и авиабомб разрабатывалась в аэродинамической лаборатории, которой руководил В.И. Смирнов. Научные сотрудники лаборатории М.А. Ковалев, П.Г. Макаров, И.П. Гинзбург изучали движение снаряда и бомб, влияние на их полет силы тяжести, масс воздуха и других

факторов, что в конечном счете позволяло оценить точность стрельбы. В годы войны, когда большое значение имели разведка, наблюдение за численным составом и расположением сил противника, стратегическое значение приобретали технологии, связанные с измерением видимости.

Способы вычисления видимости далеких предметов с помощью специальных таблиц разрабатывались в лаборатории астрофизики профессора В.В. Шаронова. Член-корреспондент АН СССР В.А. Амбарцумян решил задачу рассеивания света в мутной среде (дым, туман, матовые стекла, вода). Когда самолет пролетает на большой высоте, линия горизонта размыта за счет атмосферной дымки. Это явление называют рассеянием света в мутных средах. Практическое применение открытие нашло в авиации, на флоте, в том числе подводном, и других военных отраслях. В военной и оборонной промышленности широко применяли различные аспекты проблемы распространения радиоволн. Радиоволны использовались для наведения на цель, позволяли настраивать связи на больших расстояниях. Сложные математические расчеты в этой области были произведены научной группой академика В.А. Фока. Столь необходимые советской армии приборы для связи в ночных условиях, для морских глубин разрабатывались физиками В.Н. Цветковым, И.Г. Михайловым, А.Н. Зайделем. В обширных исследованиях по вопросам военной химии учувствовала группа научных сотрудников химического факультета (профессора Б.П. Никольский, Б.Н. Долгов, С.А. Щукарев). Широкое применение на фронте самовоспламеняющейся жидкости, известной как коктейль Молотова, ограничивалось отсутствием стеклянной тары. Проблема состояла еще и в том, где взять доступное горючее и запал, как безопасно заполнить этой жидкостью необходимую емкость. Эти и многие другие вопросы решали в Елабуге ученые-химики. Елабужская группа физиологов, возглавляемая профессором М.И. Виноградовым, успешно решала проблему борьбы с переутомлением человеческого организма, имевшую в условиях военного времени особенно большое значение. Директором филиала был назначен проректор по научной работе Ленинградского университета, профессор (в последствии, академик) Виктор Амазаспович Амбарцумян.

Непривычная повседневность

В условиях военной повседневности Елабуга была городом удобным для жизни. Здесь можно было найти хорошее жилье, купить продукты на рынке, так как многие елабужане держали молочный скот, коз, кроликов, птицу и почти у всех были свои огороды. Но вот для работы лабораторного ЛГУ недоставало необходимых видов энергии, сказывалось и отсутствие научной библиотеки по естественным и техническим наукам. В качестве одного из главных недостатков Елабуги ленинградские ученые считали оторванность ее от железных дорог: до ближайшей железнодорожной станции было 100 км, а ленинградцы рассчитывали, что при необходимости можно будут съездить в Ленинград, повидаться с родными и знакомыми, взять необходимые книги и лабораторные приборы. Но начавшаяся блокада Ленинграда привела к несбыточности подобных надежд. Елабуга – маленький провинциальный городок, состояла из одноэтажных и двухэтажных домов, в которых и были расселены сотрудники филиала ЛГУ на частных квартирах. Опубликованные воспоминания Надежды Алексеевны Никифоровской о ее двоюродном дяде, выдающемся математике, будущем академике Владимире Ивановиче Смирнове, позволяют восстановить условия жизни семей ленинградских ученых, эвакуированных в Елабугу. Надежда Алексеевна вспоминает, что зимой 1942 г. ее отец получил письмо от Владимира Ивановича из далекой Елабуги: «Видно, что материально, практически они устроились хорошо, но моральное состояние было ужасное». Н.А. Никифоровская приводит фразу из письма Смирнова: «И все-таки мы совершили безумный шаг, уехав из Ленинграда». От себя добавляет: «Мы в Ленинграде понимали, что "безумный шаг", о котором упоминал Владимир Иванович, явился для него и его семьи шагом к спасению». Аномально холодная зима 1941–1942 гг. стала суровым испытанием для эвакуированных ученых. В лабораториях было очень холодно, несмотря на постоянный обогрев буржуйками, поэтому приходилось работать в пальто и в перчатках. Дрова для отопления сотрудники заготавливали сами. Виктор Викторович Соболев вспоминал: «Дрова мы ловили в Каме. Весной в половодье... Ранним утром

отправлялись лодки с бригадами по 3-4 человека в каждой разыскивать бревна, застрявшие в прибрежных кустах, сколотить из них плоты и доставить в Елабугу. На берегу бревна поджидали сотрудники филиала, составлявшие бригады грузчиков и возчиков, и подвозили их к зданию филиала».

Треть козы

Осенью все елабужане работали на лесозаготовках. Филиалу тоже был выделен участок леса для заготовки дров в 40 км от Елабуги. Группа сотрудников в составе 30 человек работала на лесозаготовках в течение двух недель, затем лес сплавливали по Каме к Елабуге. Ленинградских ученых расселили в домах елабужан по несколько семей в один дом. Власти старались выбрать для размещения ученых большие каменные дома, бывшие купеческие особняки. В таких домах было много комнат, с большими окнами и высокими потолками, теплый паркетный пол. Роскошные дубовые с бронзовыми ручками двухстворчатые двери придавали купеческим домам вид настоящих дворянских залов. Тогда среди ленинградцев ходила шутка о том, что не плохо было бы такое роскошное жилье увезти с собой в Ленинград. Двухэтажный купеческий особняк на улице Ленина стал временным домом сразу для трех семей эвакуированных ученых: состоящая из семи человек семья В.И. Смирновых, семья Лозинских-Толстых: известный переводчик М.Л. Лозинский с супругой, их дочь с мужем ученым-физиком Н.А. Толстым и двумя маленькими детьми Катей и Мишей (в мае 1943 г. появилась на свет еще и Наташа). Третья семья – супружеская пара физиков – Е.Ф. Гросс (впоследствии член-корреспондент АН СССР) и А.И. Сидорова. Трудности и лишения сближали людей, поэтому все три семьи вели единое хозяйство, которое в шутку называли «колхоз».

Наличие большого числа детей подтолкнуло ученых обзавестись хозяйством – купить козу. Покупка достаточно дорогая: три тысячи рублей. Козу поделили между двумя семьями не поровну. В воспоминаниях приводится интересный случай. «Никита (сын В.И. Смирнова) вбежал в комнату, чуть не в слезах, огорченно восклицая: "Папа! Папа!

Оказывается, у мамы только треть козы!"» Нетрудно было догадаться, что Смирновы заплатили 1/3 стоимости козы и соответственно получали только 1/3 молока...

Бережно сохраняя память

В Дербышках работает школьный музей блокадного Ленинграда

В годы войны ленинградских детей приняла школа № 101 в Дербышках, где с 2001 года работает школьный музей блокадного Ленинграда. Собираются вещи и письма, тщательно записываются воспоминания. Пока люди живы и могут рассказать. Их осталось мало – 140 человек на всю республику. Но они помнят всё, и хотят, чтобы другие не забывали, благодаря каким жертвам выстоял Ленинград. Забвение страшно. Это хорошо понимает **директор школы и хранительница музея Татьяна ПЕТРОВА** —дочь и внучка блокадников.

Мамина тайна

... Петровых было пятеро. Отец Иван Александрович работал мастером цеха на Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ), и мог один обеспечивать семью. Мама Вера Андреевна воспитывала детей: 10-летнюю Аню, 6-летнего Колю (папу Татьяны Петровой) и 2-летнего Мишу. Жили в доме для сотрудников завода с видом на Неву, в пятикомнатной квартире.

Маленький Коля запомнил панику на Невском проспекте после объявления о начале войны. На следующий день в магазинах было пусто. Врезался в память черный дым от пылающих Бадаевскихскладов (их гибель принято считать началом голода). Люди не знали, что запасов всё равно не хватило бы. Зимой дети выковыривали горелый сахар вместе со льдом и несли домой, как золото, чтобы попить сладкую воду.

Коля бегал смотреть, как девочки-дружинницы во время бомбёжек собирали щипцами с крыш фугасные бомбы в ящики с песком и в бочки с водой. Вопреки ужасам войны дети оставались детьми: было интересно, как бомбы шипят. Наблюдали за опасной работой и Аня с подругами — так старшие девочки готовили будущую смену.

Папа практически жил на заводе, мама ходила на поля за оставшимися после уборки капустными листьями, чтобы засолить на зиму. Разводила в воде горчицу, ждала, пока уйдёт горечь, и делала лепёшки. Аню, отчаянно сжимающую в ладошке карточки, отправляли за хлебом. Девочка понимала, на что способны голодные люди – от удара по голове умер дедушка, возвращавшийся домой с зарплатой.

Аня одна знала мамину тайну. Ей пришлось держать дверь комнаты, где сидели братья, чтобы те не увидели, как Вера Андреевна зарезала пять дворовых собак — любимцев Коли. Даже мужу женщина сказала, что выменяла вещи на кроликов. Но мальчики узнали правду. Спустя годы. Николай Петров до конца жизни не мог пройти мимо бездомного пса и подкармливал барбосов со всей округи.

Прощай, Ленинград

Весной 42-го года Петровы вошли в список квалифицированных работников и их семей, которых было «необходимо вывезти из Ленинграда». В Казани ещё в 30-х гг. на площадке «Вагонстроя» начали возводить предприятие-дублёр ленинградского завода — КОМЗ.

С собой семья не вывезла ничего. Но это было неважно. Летели на грузовом самолёте и пережили вражескую атаку. Пулемётчик отстреливался, горячие гильзы падали на Колю. Как и все блокадники, Петровы на всю жизнь запомнили запах первой еды из пайка, розданного в холодном эшелоне. Особенно хлеба. И как фотокадр в памяти запечатлелась страшная картина: выгружаемые на станциях тела, завернутые в тряпье — людей, не доехавших до места назначения. Среди них был и отец. Где его похоронили, семья так и не узнала.

— Дед съел слишком много сразу, истощенный организм не выдержал, — объясняет Татьяна Николаевна. — А бабушка давала детям лишь крохи хлеба, несмотря на мольбы. Жажду утоляли, откалывая от стен вагона лёд, черный от копоти.

Смерть отца стала не последним горем. Тогда в 42-м Вера Андреевна ждала четвертого ребенка. Вынесла голод, тяжелую дорогу. Но маленький Ванечка, родившийся уже в Казани, прожил лишь месяц.

...Блокада сказалась на нескольких поколениях семьи. Все Петровы — люди сдержанные, не эмоциональные. Детей с малых лет учат работать и рассчитывать только на собственные силы.

— Нам привили бережное отношение к еде, — рассказывает Татьяна Николаевна. — Готовили экономно, а всё, что было на тарелке, следовало доедать. В детстве я удивлялась, что папа носит с собой сухари. Потом, работая с блокадниками, узнала — некоторые не чувствуют насыщения, это болезнь.

Стало родным для Петровых и предприятие, благодаря которому их эвакуировали. В войну туда устроилась мать, а потом оба сына и несколько внуков.

Кулинарная книга блокады

Чтобы достучаться до нынешних школьников, Татьяна Петрова с педагогами и ребятами собрала несколько книг воспоминаний о войне и даже составила «кулинарную книгу» блокады. Ребят поражают эти рецепты: с обойным клеем, который соскребли со стен, с кусочками кожаных ремней. Они удивляются, как истощенные 12-13-летние дети, сами весившие 30 килограммов, поднимали тяжелые снаряды на заводах. Именно истории сверстников проникают в самое сердце.

Больше 900 человек, эвакуированных во время блокады в Дербышки — это примерная цифра. Точную статистику тогда не вели. Но большая часть ленинградцев приехали в Казань летом 1941 года – с 25 июля по 31 августа, еще до блокады, которая началась 8 сентября 1941 года. Это были 2800 работников Ленинградского государственного оптико-механического завода (ГОМЗа), прибывших на недавно открывшийся казанский завод (ныне КОМЗ). Семь эшелонов с людьми и оборудованием. Дербышки тогда были совсем небольшим поселком, но там уже построили бараки для завода «Вагонстрой», который так и не развернули. После уплотнения в каждой комнате жили по две-три семьи, а оставшимся пришлось заселиться в брезентовые палатки.

Эшелон блокадников, эвакуированных по Ладожскому озеру, пришел в аномально морозные зимы 1941 – 42 годов. Половина людей умерли еще в эшелоне от последствий голода и тягот пути...

КСТАТИ

За годы войны Казанский оптико-механический завод отправил на фронт 700 тыс. биноклей, 30 тыс. орудийных, миномётных, танковых и тысячу бомбардировочных прицелов.

Прямые улицы-стрелы Дербышек — не случайность: это результат работы ленинградского архитектора Путвинского, говорит Петрова. А ДК Саид-Галеева напоминает дворцы города на Неве. В поселке даже ажурные ограждения вокруг газонов долгое время ассоциировались с «петербургским» дизайном.

Ленинградская симфония: казанская премьера

Декабрь 1941 года. Красная армия начала контрнаступление под Москвой, закладывая основу под разгром фашистской Германии, в Казани морозы минус 40, а в Куйбышеве, нынешней Самаре, Дмитрий Шостакович завершает работу над партитурой Седьмой симфонии, которую Анна Ахматова назовёт «знаменитой ленинградской». Начав работать над ней ещё в Ленинграде, в перерывах между бомбёжками и тушением зажигательных бомб в составе пожарной команды, в октябре Дмитрий Дмитриевич был эвакуирован в город на Волге.

Эвакуация затронула все аспекты жизни великой страны. За Волгу и Урал были вывезены все крупные промышленные и научные предприятия. Казань приняла многие заводы авиа- и приборостроения. Под руководством Отто Юльевича Шмидта, известного полярника, руководителя экспедиции на пароходе «Челюскин», в столицу Татарии был отправлен Президиум Академии наук СССР.

Всесоюзный научно-исследовательский институт имени И. Павлова занял здание Казанского музыкального училища, а само училище переместилось в знаменитую Первую музыкальную школу по улице Горького, занимавшую бывшую усадьбу Боратынских. Благодаря воле директора школы Рувима Полякова стены школы приняли эвакуированных из Москвы и блокадного Ленинграда, представителей творческой интеллигенции. Среди них были Михаил Фабианович и Елена Фабиановна Гнесины— основатели знаменитой «Гнесинки», композиторы Михаил Алексеевич Юдин и Альберт Семёнович Леман.

Приезд столичного творческого десанта послужил поводом для события, которое видится из сегодняшнего дня, без преувеличения, сенсационным! Поздней осенью 1942 года в Первой музыкальной школе была исполнена Седьмая — «ленинградская» — симфония Дмитрия Шостаковича.

Её историческая премьера состоялась ранее, 5 марта, в Куйбышеве под управлением Самуила Самосуда, а 29 марта он же продирижировал ею в Москве. В июле того же года радиопремьерасимфонии прозвучала в США в исполнении оркестра Эн-Би-Си под управлением Артуро Тосканини, а 9 августа — в самом блокадном Ленинграде, где ею продирижировал Карл Элиасберг.

В череде этих знаковых премьер первое исполнение Седьмой симфонии в Казани, в ДМШ № 1 — яркое свидетельство вовлечённости всех без исключения музыкантов страны в текущую «повестку». На двух роялях в стенах школы симфонию играли профессор Ленинградской консерватории Ирина Миклашевская и профессор Московской консерватории Елена Бекман-Щербина. Партию малого барабана исполнил тогда ещё студент Казанского музыкального училища, его будущий директор Марс Гумеров. Вскоре состоялось и второе исполнение легендарной симфонии с участием выпускников школы, студентов Московской консерватории и её будущих профессоров Степана Григорьева и Надежды Николаевой. Вела концерты выпускница школы, будущий профессор Казанской консерватории Галина Касаткина. А организатором этих уникальных премьер стала выпускница знаменитой Джульярдской школы в Нью-Йорке (той самой, которую окончит пианист Ван

Клиберн), преподаватель Московской консерватории Валентина Джозефовна Конен. В эвакуации она преподавала в Казанском музыкальном училище и служила медсестрой в военном госпитале.

«Белым пятном» этой истории остаётся вопрос: каким образом у исполнителей той премьеры оказались ноты симфонии? Эта загадка, которую ещё предстоит разгадать...

Академические институты Ленинграда в Казани

В июле 1941 г. было принято решение об эвакуации учреждений АН СССР из Москвы и Ленинграда.

2 июля 1941 г. уполномоченным совета по эвакуации учреждений Академии наук СССР был утвержден вице-президент академик О.Ю. Шмидт. 16 июля он вылетел в Казань, чтобы подготовить предоставленные Академии помещения к прибытию оборудования, документации и людей. 11 августа в Казань прибыла первая группа сотрудников Ленинградского Физтеха, доставившая самое необходимое и ценное оборудование.

Город гостеприимно принял эвакуированных.

Большую роль в их размещении сыграл А.Е. Арбузов, назначенный уполномоченным Президиума по их устройству. Впоследствии академик А.Н. Несмеянов, возглавлявший Институт органической химии, вспоминал: «Он встретил и наш эшелон, устроил на ночлег в здании университета, и мы сразу же почувствовали тепло и заботу. В считанные дни все были устроены с жильем, институты получили здания для размещения, закипела работа по их приспособлению. В центре всей этой кипучей деятельности стоял А.Е.[Арбузов], всегда спокойный, благожелательный, распорядительный».

Во всей остроте встала проблема размещения научных работников и оборудования эвакуированных институтов и лабораторий. На переоборудование полученных помещений правительством было выделено свыше 1 млн. руб. В порядке уплотнения казанские вузы и учреждения предоставили приехавшим свои помещения.

Центром академической жизни стал Казанский университет, который предоставил Академии свои аудитории, лаборатории, все подсобные и служебные помещения. Временно под общежития были оборудованы актовый и физкультурный залы (ныне Музей истории Казанского университета).

Сейчас трудно представить зал университетского музея в военные годы: сто пятьдесят кроватей, отгороженных друг от друга простынями или картонками; проходов между ними нет, раздеваться или одеваться можно только пригнувшись или на корточках, в зале полумрак, несмолкающий гул голосов и шум примусов.

Всеми силами ученые стремились помогать фронту, и не только своей научной работой в институтах и лабораториях. Все, начиная с лаборанта и кончая академиком, были постоянными участниками многочисленных субботников и воскресников: грузили уголь, разгружали вагоны и баржи, расчищали от снега посадочную полосу аэропорта. Страстные голоса ученых звучали на митингах, по радио, в печати. В начале 1942 года в Казани возникло движение за создание Фонда обороны. Многие ученые вносили в него свои денежные сбережения и госпремии.

В апреле 1945 г. в Казани был открыт филиал АН СССР (Казанский научный центр Российской академии наук).

Ленинградский физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе

Институт располагался в западном крыле главного здания КФУ. Лаборатории – в Этнографическом музее и Ленинской аудитории. Ленинская аудитория была разгорожена фанерными щитами: там расположилось несколько лабораторий, в частности лаборатории А.П. Александрова и с 1942 г. – лаборатория П.И. Лукирского. Во второй комнате – этнографическом музее университета – роль перегородок частично выполняли шкафы с экспонатами. Здесь разместилась группа А.А. Харкевича. В этой же комнате два закутка были отданы теоретикам: в одном расположились сотрудники Я.И. Френкеля: Б.И. Давыдов, Т.А. Конторов, Ю.Н. Образцов и аспиранты, а в другом, в котором едва помещался письменный стол, работал он сам.

Одним из самых крупных достижений Ленинградского физико-технического института явилась работа по защите боевых кораблей от магнитных мин и торпед. Известно, что ни один корабль, снабженный системой противоминной защиты, не подорвался на вражеской мине. Инициаторами этой работы были А.П. Александров и Б.А. Гаев, а наиболее активными участниками внедрения этого метода – И.В. Курчатov, П.Г. Степанов, В.Р. Регель и В.М. Тучкевич, работавшие на разных флотах. В 1942 г. за эти работы ученые были удостоены Сталинской премии первой степени. Один из крупных отделов Ленинградского физико-технического института изучал электрические и тепловые свойства полупроводников. Его исследования использовались в изготовлении «партизанского котелка» - термоэлектрического генератора, который предназначался для питания радиостанций в партизанских отрядах и разведывательных группах.

По предложению Л.А. Арцимовича одна из лабораторий Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе переключается на разработку приборов ночного видения. В качестве первого из них был предложен электронно-оптический преобразователь с сурьмяно-цезиевым катодом, создание которого началось еще в Ленинграде. После эвакуации ЛФТИ в Казань сотрудники лаборатории приступили к работам по многокаскадным электронно-оптическим преобразователям.

В Бутлеровском корпусе университета разместились лаборатории металлоорганических соединений, гетероциклических соединений, кинетики контактных реакций, виниловых эфиров, непредельных соединений (частично) и лаборатории микроанализа. Напротив Бутлеровского корпуса разместилась лаборатория каталитического синтеза и пирогенных процессов. Часть лабораторий разместилась в здании химико-технического института.

Ленинградские корни

Кроме промышленных предприятий в Казань эвакуировали детские дома, ремесленные училища, техникумы. Особенно много детей из блокадного Ленинграда вывезли в первой половине 1942 года по так называемой «дороге жизни».

В архиве сохранились документы о предоставлении эвакуированным детям еды и медицинского обслуживания. По справке на 30 мая 1942 года в Казани находилось 24 детских школы-интерната из Ленинграда — всего 2706 детей. В их числе был и интернат детей работников Академии наук Ленинграда — 194 ребёнка. Эвакуированные дети и взрослые жили в Елабуге, Бугульме, Тетюшах, в Буинском, Мамадышском, Мензелинском и других районах Татарии.

«Прибыло 1907 человек, из них 400 человек размещено по колхозам, 185 человек работают в различных учреждениях», - говорилось в докладной записке райкома ВКП (б) Ворошиловского района 29 августа 1942 года. (сейчас это территория Сармановского и Мензелинского районов РТ. — Прим.ред.)

Эвакуированные дети работали в колхозах, зарабатывали себе трудодни. С 8 лет они уже участвовали в сборе колосков, лекарственных растений, бересты.

Многих детей, оставшихся без родителей, забирали в семьи. Точных данных, сколько именно ленинградских детей обрели в Татарии новых родителей, в Госархиве РТ нет. Хотя рассказы об этом в Татарстане передаются из поколения в поколение.

«Мой отец Ильдус Хайруллович Баширов был эвакуирован из Ленинграда в Казань, ему было не больше трёх лет, - рассказывает жительница Казани **Лилия Баширова**. — Он не помнил, как его зовут: называл себя то Сергеем, то Ильей. Его мамой стала Хабибджамал Минневалеевна Баширова. Зимой 1942 года она привезла на саночках в свой дом на ул. Право-Булачной кудрявого, рыженького, веснушчатого мальчика, усыновила его». Лилия говорит, что, когда её отец стал взрослым, мама Хабибджамал рассказала ему о ленинградских корнях. Ильдус Хайруллович одно время пытался узнать о судьбе своих настоящих родителей, но безрезультатно. Всю жизнь он считал своей семьёй Хабибджамал Минневалеевну.

Письма на фронт и обратно

Письма, которые писали в Казань ушедшие на фронт ленинградцы, в основном были запросами о судьбе эвакуированных родных. В Госархиве РТ сохранилась почтовая

карточка, доставленная в Казань в 1943 году полевой почтой. На открытке — зарисовка из жизни блокадного города: бойцы на крыше дома тушат зажигательные снаряды.

Почтовая открытка тех лет.

«Прошу узнать, живы ли моя жена и дети, — писал боец Ленинградского фронта **К. А. Анисимов**. — Если живы, то почему не пишут? Проживают в г. Казань, Молотовский район (сейчас Советский), ул. Свердловская, д. 1 кв. 57. Жена - Анисимова Юля, сын Игнат». В архиве сохранились и письма со словами благодарности от военных, что их родных с доброй душой приняли в Татарии.

На фронт в годы войны ушли около 700 тысяч татарстанцев. Многие из них защищали и освобождали от блокады Ленинград. В архивах журнала «Сююмбике» сохранилось фото сапёра 3-й Балтийской армии Ленинградского фронта, уроженки деревни Яनावыл Агрызского района ТАССР **Самиги**. К сожалению, фамилия девушки-бойца неизвестна. Осталось лишь фото.

Однако на сайте «Подвиг народа» удалось обнаружить карточку на уроженку деревни Янаул Агрызского района Самигу Шаеховну Шаехову 1924 года рождения. Возможно, это и есть та самая героиня. Она, к слову, пережила войну, награждена Орденом Отечественной войны II степени.

Прошедшие войну татарстанцы передали в Госархив РТ несколько номеров газет тех лет. В то время у каждого фронта была своя газета. Но на передовую привозили и центральные газеты.

Так в «Ленинградской правде» 1 мая 1942 года опубликована статья «Сыны братских народов на защите Ленинграда», где говорится о трёх героях из Татарии. «Беззаветную храбрость в бою проявил сержант **Кишас Гимадиев**, — писали в газете. — Когда группа немецких автоматчиков пыталась проникнуть в наше расположение, Гимадиев был один на огневой точке. Но смело вступил в бой. Из автомата застрелил двух гитлеровцев и двух ранил. Когда вышли все патроны, советский воин кинулся в рукопашную и сильным ударом приклада раскроил череп ещё одному немцу. В этот

момент храбрец был смертельно ранен. Но он выполнил свой долг, удержал рубеж до прихода подкрепления. Отважный воин-татарин КишасГимадиев награждён Орденом Отечественной войны Второй степени».

Танк водителя-механика, старшего сержанта **Галима Хамидуллина** в бою должен был пройти по топкой болотистой местности с множеством снарядных воронок, а затем и минные поля противника. «Искусный танкист безошибочно вёл свою машину, преодолевая все препятствия на пути, —говорится в статье. - Он раздавил три вражеских дзота, похоронив под обломками всех сидевших там немцев, а также несколько землянок, подавил две пушки. Немцы открыли по танку ураганный огонь, вышел из строя мотор. Пока Хамидуллин исправлял его, немцы окружили танк со всех сторон: «Сдавайся!» — кричали они. Но тут снова взревел мотор, и машина полным ходом рванула вперёд. Возвращаясь с задания, Хамидуллин разрушил ещё один дзот и захватил в плен двух немецких автоматчиков.

Третий сын татарского народа, прославившийся под стенами Ленинграда, **Камиль Акчурин**. Только в одном бою он уничтожил гусеницами своего танка противотанковое орудие и противотанковое ружьё противника вместе с их расчётами. Экипаж этого танка уничтожил два станковых пулемёта и два десятка вражеских солдат. Так бесстрашно и мужественно сражаются за любимый город сыны всех национальностей страны».

Уголок Ленинграда в Казани

Четыре в одном по названию

Дербышки могли стать отдельным закрытым военным городом. Стали — частью Казани. Что же такого особенного в этом уголке Казани?

Отдельно как-нибудь сверстать

Интригует само название — Дербышки. По одной из версий название восходит к слову «дервиш». «Дервиш» в суфизме (одном из течений ислама) — это монах-отшельник, точнее даже странник. Ученый Халиков возводит Дербышки к имени астраханского Дербыш-хана — активного деятеля и нашего Казанского ханства. И до 1552 года (год

взятия Казани Иваном Грозным) Дербышкивходили в собственность казанского хана. Третья версия говорит о том, что дербышками местные жители прозвали странников-иноземцев, пришедших жить в эти места. Так или иначе, Дербышки помнят еще давние времена.

Годом рождения поселка Дербышки становится 1932 год. Изначально это место получает название «Вагонстрой». И на территории будущего поселка начинается строительство вагонного завода. Стройплощадкой выбирается 804-й километр железной дороги (и сейчас ж/д станция поселка — «804 км»). Строятся первые дома — 10 жилых бараков. Население поселка насчитывает порядка 200 человек.

1940 год и близящаяся Великая Отечественная война определяют дальнейшую судьбу поселка. Принимается решение построить здесь Казанский оптико-механический завод. Завод-дублер Ленинградского оптико-механического завода (ГОМЗа). Буквально через год сюда придут эшелоны из блокадного Ленинграда с сотрудниками ГОМЗа и их семьями. И станут Дербышки настоящим уголком Ленинграда в Казани и центром оптико-механических разработок и производства.

День сегодняшний

Сейчас в Дербышках два крупных предприятия, работающих в сфере разработки и производства оптических приборов. КОМЗ (Казанский оптико-механический завод) и ГИПО (государственный институт прикладной оптики). На рубеже 1970—80-х годов был даже план сделать вокруг этих предприятий отдельный закрытый городок. Мой дедушка подчеркивает, что ГИПО основали в 1957 году как филиал ГОИ им. Вавилова. В этом году институт отметил свой 60-летний юбилей, как одно из крупнейших самостоятельных оптико-электронных предприятий. Дедушка в этом институте с его основания работает. КОМЗ и ГИПО изготавливают множество серьезных приборов, а из «сувенирной» продукции здесь можно найти чудесные стеклянные значки и голограммы.

Дворцовая площадь в Питере и в Дербышках

Что же такого особенного можно найти в Дербышках? Как шутят жители Дербышек, только в двух местах можно встретить 9-е мая на Дворцовой площади — в Санкт-Петербурге и в Дербышках. Действительно, для многих эвакуированных блокадников Дербышки станут второй родиной, и после войны они останутся здесь. Ленинградцы отстроили поселок и завод, в 40—50-е годы прошлого века появляются жилые дома, дворец культуры, стадион «Ракета», баня, первые школы. И площадь перед Дворцом культуры имени Саид-Галеева в народе получает название Дворцовой. А в парке за ДК стоят фигуры пионеров и памятник жителям блокадного Ленинграда.

В Дербышках можно сделать множество неожиданных открытий. Например, в одном из дворов можно найти памятник Ивану Путвинскому— строителю Дербышек (под его руководством возводились корпуса КОМЗа, строились первые жилые дома и ДК). Найти памятник Первым Комсомольцам и, взглянув на старинную фотографию, удивиться, что в 1970-е здесь стоял списанный реактивный авиалайнер ТУ-124.

Если вы посмотрите на названия улиц Дербышек, то они вам тоже многое расскажут. Улицы Правды, Мира, Энтузиастов, Советская перенесут вас в Советский Союз. Улица Липатова расскажет о смелом юноше Николае, повторившем легендарный подвиг Матросова. А улица Халезова — о целой эпохе КОМЗа.

«Очень хотелось есть. Всё время...»

Татарстанцы о блокаде Ленинграда

10 лет назад корреспонденты газеты «Аргументы и Факты в Татарстане» записали пронзительные воспоминания очевидцев. Сегодня многих из них уже нет с нами, но Память — остаётся.

Тамара Евгеньевна, Набережные Челны:

— В июле 1943-го мы переправлялись через Ладогу. Фашисты кружили над головами и обстреливали нас. Из 3 катеров 2 пошло ко дну. Нас загнали в трюм, наш катер доплыл до берега. Видимо, судьба была выжить. А когда ехали на поезде уже в Уфу, поезда подбили, хвост. А мы были в начале состава.

Марианна Борисовна, Набережные Челны:

— Когда ехали по "дороге жизни", соседка увидела мои распухшие руки, сняла с себя платок и завязала мне их, сделала муфту. Сама она умерла чере пару дней.

Тамара Макаровна, Набережные Челны:

— Я была ребёнком. Как-то раз мы шли с мамой в бомбоубежище по мосту. И тут нам встретилась женщина. Она угостила меня помидоркой. А ведь кругом был ужасный голод.

Галина Андреевна, Казань:

— 3 дня нам не давали переправы через Ладогу. 3 баржи пошли на дно. Пропали наши вещи, мы по кусочкам собирали документы. Был голод, мы ели столярный клей, лебеду. И нас бомбили каждый день.

Бэлла Даниловна, Казань:

— Холод, голод, постоянные бомбёжки. Очень хотелось есть. Всё время.

Юрий Семёнович, Казань:

— 7 ноября 1943 года мы уничтожили руководство Укрепрайона Ленинградской области во главе с генералом-лейтенантом. В составе начштаба и оперативного отдела. Об этом невозможно рассказать за 2-3 минуты, но это единственный случай уничтожения группы такого состава.

Сергей Александрович, Казань:

— В мой День Рождения, с 14 на 15 августа 1942 года нас эвакуировали по Ладоге. Мне дали вторую порцию каши в честь Дня Рождения, и через 5 минут у меня пошла и верхом и низом кровь. Потом пошла носом, я задохнулся и рухнул на палубу. Слышал пулемёты, больше ничего толком не помню, и очнулся я уже у Ульяновска, в сарае, куда сбрасывали мёртвых. Была гроза, волна воздуха сильно хлопнула дверью и коснулась моего затылка, я очнулся от звука и прикосновения. Темнота была полная, я пополз на ощупь к одной двери, она была закрыта снаружи, тогда я стал искать другую, и нащупал руками лопаты. Меня не успели закопать. Я выбрался через ту

дверь, что хлопнула. Видимо, её закрыли на веточку, и отгрозового ветра она открылась.

Елена Никифоровна, Акиново, Алексеевский район:

— Когда началась война, мы сдавали экзамены в училище. Всех наших ребят сразу забрали на фронт, а нас отправили рыть окопы. Нас бомбили, поливали из пулемётов, мы голодали. А потом попали в Ленинград. Нам давали 125 граммов хлеба в день, мы делили порцию на 3 части. Одну съедали сразу, вторую сушили на буржуйке, из третьей делали тюрю. Воду мы брали не в Неве, она была слишком далеко, а из люков водостока. Я носила стулья из Ленинского зала, ломала их, и топила буржуйку. Потому, наверное, и выжила.